

Илья Березин

Рамазан в Стамбуле

Илья Николаевич Березин

Рамазан в Стамбуле

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22072550

Рамазан в Стамбуле: 1856

Аннотация

«В мусульманском мире немало странностей, но между ними едва ли не первое место занимает мусульманский пост. Вы удивляетесь, что пост поставлен в числе странностей, и притом первого разряда, но как же мне выразиться иначе о Рамазане, о том Рамазане, который я наблюдал, в полном его развитии и блеске, в столице мусульманства – в Константинополе? Все мы привыкли соединять с идеей о посте нечто суровое, полное непрерывных лишений и умерщвления страстей: нет ничего подобного в мусульманском посте, который вдобавок еще и не прообразует никакой тайны, никакого события, исполняется неизвестно зачем и ни к чему почти не ведет. Это – пустая форма без идеи, и притом какая форма!... Заботясь о некоторой оригинальности в своей религии, Мухаммед дал мусульманскому посту необыкновенное условие: человек подвергает себя самому строгому воздержанию от пищи и питья в течение дня, но зато он может вознаградить себя в течение ночи любым угощением и наслаждениями всякого вида, за исключением вина, вообще запрещенного в исламе. Усердный мусульманин и не оставляет

пользоваться размашисто дозволением своего наставника, так что Рамазан превращается из поста в самый веселый месяц в году: вместо тишины, самоуглубления и покаяния, вы видите грубое, неистовое подражание афинским ночам...»

Илья Николаевич Березин

Рамазан в Стамбуле

«Русский Вестник», 1856 год, № 1

В мусульманском мире немало странностей, но между ними едва ли не первое место занимает мусульманский пост. Вы удивляетесь, что пост поставлен в числе странностей, и притом первого разряда, но как же мне выразиться иначе о Рамазане, о том Рамазане, который я наблюдал, в полном его развитии и блеске, в столице мусульманства – в Константинополе? Все мы привыкли соединять с идеей о посте нечто суровое, полное непрерывных лишений и умерщвления страстей: нет ничего подобного в мусульманском посте, который вдобавок еще и не прообразует никакой тайны, никакого события, исполняется неизвестно зачем и ни к чему почти не ведет. Это – пустая форма без идеи, и притом какая форма!... Заботясь о некоторой оригинальности в своей религии, Мухаммед дал мусульманскому посту необыкновенное условие: человек подвергает себя самому строгому воздержанию от пищи и питья в течение дня, но зато он может вознаградить себя в течение ночи любым угощением и наслаждениями всякого вида, за исключением вина, вообще запрещенного в исламе. Усердный мусульманин и не оставляет пользоваться размашисто дозволением своего настав-

ника, так что Рамазан превращается из поста в самый веселый месяц в году: вместо тишины, самоуглубления и покаяния, вы видите грубое, неистовое подражание афинским ночам...

Мы не будем рассуждать о том, как смотрел на учреждаемый им пост сам Мухаммед. Достаточно привести лишь постановление Алкурана о соблюдении Рамазана: «О вы, верующие! Пост предписан вам так же, как он был предписан бывшим прежде вас.... Месяц Рамазан, в который ниспослан Алкур, назначается вам для поста» (Алкур. II, 179–184). Достаточно сказать, что основной идеи поста в Рамазане не заключается, а позднейший устав совершенно извратил эту идею, так что, несмотря на предписываемую исламом умеренность и воздержание во всякое время, в Рамазан эти добродетели откладываются в сторону. Если с одной стороны строгость мусульманских понятий о пощении в продолжение дня доходит до нелепости, запрещающей даже открытие рта для разговора, из страха, чтоб не вошло в человека много воздуха, то с другой стороны мусульманин пресыщается и наслаждается в течение целой ночи. Такое отрицание благородного торжества над плотью тем более неразумно, что изнуряемое в течение дня тело с избытком подкрепляется ночью, и мусульманин один месяц в году живет извращенной жизнью. Наставления Гуфеланда о долголетьи человеческом не могут быть приложены к обреченному на Рамазан последователю Мухаммеда, и конечно мусульманский пост нигде

не остается без последствий для здоровья правоверного: то, что было не трудным и даже обычным делом для бедуина, природой и климатом осужденного на самый умеренный образ жизни, в других странах является безобразным и вредным уставом, тем более, что жертва бесцельна и бесплодна.

Остановимся на этом осуждении мусульманского Рамазана и перейдем прямо к описанию поста, как он соблюдается в Стамбуле.

Лунное счисление и неизвестность появления новой луны повсюду ставит мусульманские желудки в большое затруднение: ревностные правоверные, в грустном предчувствии близкого поста, ежедневно наедаются с большим усердием, рассчитывая, что не сегодня-завтра премудрые муллы-астрологи возвестят наступление Рамазана, и это жирное приготовление к посту иногда продолжается несколько дней, особенно при облачном небе, не предъявляющем новой луны. Для спасения стамбульских желудков устроена на Босфоре особенная обсерватория, с которой избранные знахари высматривают появление новой луны в начале и конце Рамазана: иногда неблагоприятное небо скроет ночную гостью за непроницаемой тканью облаков, и тогда босфорские астрологи-наблюдатели, подождав напрасно ясной, погоды и сообщив свои исчисления, объявляют, что новая луна уже должна, по их суждению, проливать поэтический свет на «страну неверия», только не на Стамбул, и что следовательно Рамазан начинается с этой ночи.

Несколько пушечных выстрелов прогрехотали по Босфору при закате солнца, также предполагаемом умозрительно, как и появление новой луны; но правоверные не мудрствуют лукаво, они слепо верят в знание своих астрологов и считают Рамазан несомненно начавшимся. Для большого удостоверения в этой печальной истине, минареты мечетей унизаны площадками, в Порте играет пронзительная военная музыка, и ночные сторожа «бегчи» оглушают свои кварталы стуканьем по огромному бубну. Первая ночь проходит довольно шумно, с помощью этой обстановки, но народа (не смею сказать публики) на улицах и в кофейнях немного, также как и мулл в мечетях: правоверные проводят ночь в «андерунах» (харемах), со своими семействами; это — нечто в роде нашего загоненья... Даже самая иллюминация в первую ночь несколько бедна: Рамазан не вступил в полное свое развитие; все еще готовятся к его увеселениям.

То же самое происходит и в следующие ночи, до первой рамазанной пятницы, мусульманского недельного праздника: утром, на восходе солнца, и вечером, при закате его, босфорские батареи, под предводительством скутарийской, возвещают начало и конец пощения, сообразно чему и разделяет свою жизнь правоверный. Утром он старается как можно позже выбраться из дому, наверстывая отсутствие пищи на несвоевременном сне; выйдя по делу, мрачный и молчаливый сидит он или в лавке своей, или отправляет лениво и кое-как службу свою; на улицах тишина, в домах тоже, и во-

обще Стамбул в эту эпоху как будто безлюднее; только собаки, в другую пору беспрестанно кидающиеся под ноги, спят в рамазанный день где-то по захолустьям и постятся наряду с правоверными. Редко на улице встретится живое существо, которое притом не обращает ни на что внимания и медленным шагом свершает свой путь; местами есть даже и толпа, но все это движется вяло, говорит тихо и смотрит сонно. Благодетели или лучше богатые мусульмане стараются даже покончить все свои дела до Рамазана или не начинать их в этом месяце, чтобы можно было проводить дни дома в истинно благодетельном сне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.